

УДК 94(47)

ББК 63.4

Р90

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 04-01-16095д*

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.А. БЕЛЯЕВ,
доктор исторических наук А.А. МЕДЫНЦЕВА

На первой сторонке переплета
подвески-иконки, изображающие архангела: вверху – с острова Вайгач
(святилище Болванский Нос I); внизу – из Киева, детинец.

На четвертой сторонке
вверху: печать с изображением св. Федора – из Белоозера;
внизу: крест-энколпион – из Коломны

Русь в IX–XIV веках : взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернцов ; Ин-т археологии РАН. – М. : Наука, 2005. – 326 с. – ISBN 5-02-010306-3 (в пер.).

В сборнике рассматривается культурное своеобразие русских и северорусских памятников средневековой Руси, а также превращение "южных" и "северных" элементов культуры в общедревнерусские. Впервые, основываясь на археологических материалах последних лет, остро поставлены вопросы определения общего баланса между явлениями культурной конвергенции и культурной дифференциации в Древней Руси, сделана попытка ответить на вопрос, в какой мере археологические данные могут прояснить причины процессов консолидации и обособления Севера и Юга Руси. В книге три раздела: "Пути расселения, торговые связи, культурные контакты"; "Ремесло, производство, культурные традиции"; "Территории и памятники".

Для археологов, историков, учителей, краеведов.

Темплан 2005-II-256

ISBN 5-02-010306-3

© Институт археологии РАН, 2005

© Редакционно-издательское оформление. Издательство "Наука", 2005

K.A. Михайлов

Древнерусские наборные пояса в XI–XII вв.: северная и южная традиции

Одним из самых ярких элементов древнерусского мужского костюма является наборный пояс, состоящий из различных типов металлических накладок¹. Этот тип пояса заимствуется у кочевников и в X в. широко распространяется по территории Древней Руси вместе с другими элементами “дружинной” субкультуры (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978. С. 141–142). Известно, что традиция ношения различных наборных “воинских” поясов столетиями развивалась в среде восточных nomadov. В кочевом обществе пояс имел сложную семантику и разнообразную стилистику (Плетнева, 1967. С. 161–166; Добжанский, 1990). Традиционно считается, что наборный пояс являлся символом социального ранга владельца. Он мог обозначать как место мужчины-воина в иерархии кочевого общества, так и его воинский статус (Добжанский, 1990. С. 82; Мурашева, 2000. С. 5).

Оформление средневековых ременных и поясных украшений часто было связано со стилистикой и художественной культурой того или иного объединения кочевников. Мода на воинские “престижные” украшения, по-видимому, диктовалась верхушкой степных объединений – кочевой аристократией. За формами и стилем воинских украшений и богатой ременной гарнитуры стояла идеология, отражающая политическое и культурное доминирование какой-либо племенной группировки. Смена художественных стилей и форм украшений в степной зоне Евразии часто была связана со сменой господствующих аристократических родов.

Костюм и бытовая культура Древней Руси на раннем этапе ее формирования, бесспорно, испытывали влияние окружавших ее кочевников – венгров, булгар, хазар. Это влияние нашло свое отражение как в орнаментике и формах древнерусского оружия и конской упряжи, так и в распространении такого характерного украшения средневекового кочевника, как воинский пояс, украшенный бронзовыми или серебряными бляхами. Традиция ношения подобных поясов была распространена на Руси преимущественно в течение X в. Наибольшее число деталей поясов происходит из так называемых “дружинных” некрополей и с территорий торгово-ремесленных поселений².

¹ Приношу свою глубокую благодарность Ингмару Янссону, дружеской помощи которого я обязан и чьи советы помогли мне в изучении этого материала. Работа выполнена при финансовой поддержке Шведского Института.

² Наиболее полно древнерусская поясная гарнитура опубликована в работах В.В. Мурашевой, Т. Арне, И. Янссона, Р. Орлова. В настоящее время учтено более 3000 древнерусских поясных накладок (Мурашева, 2000. С. 1).

Многие исследователи считают, что некоторая часть древнерусской ременной гарнитуры на раннем этапе ее распространения привозилась с Востока или копировалась древнерусскими ремесленниками с кочевнических образцов (Орлов, 1984. С. 47; Мурашева, 2000). Шведские археологи Т. Арне и И. Янссон высказали предположение, что часть древнерусских поясных наборов находилась под влиянием орнаментальных мотивов постсасанидского Ирана. Предполагается, что поясные наборы могли вывозиться в древнерусские города купцами с территории Халифата (Arne, 1914. С. 132–139; Jansson, 1986. S. 96). Эти исследователи также не исключают, что некоторые древнерусские поясные украшения исполнены под влиянием византийской художественной школы (Arne, 1914. P. 142–143; Орлов, 1983. С. 39–40). Напротив, В.В. Мурашева считает, что самое сильное влияние в этой области Древняя Русь испытала со стороны культуры Волжской Болгарии. Там, по ее мнению, производилось значительное число древнерусских накладок (Мурашева, 2000. С. 92–93). В пользу мнения о заимствовании большей части ранних форм древнерусской поясной гарнитуры свидетельствует огромное многообразие стилей и типов ременных украшений. Это многообразие преимущественно существует в узких временных рамках X столетия и, как нам кажется, не получает дальнейшего развития. Для кочевников, у которых заимствовали эту моду, напротив, было характерно стилистическое единство мужских украшений. Стилистическое единство поясных наборов (на примере венгерских, хазарских или булгарских древностей) часто прослеживается как хроноологически, так и территориально, в рамках одной политической и этнической общности средневековых кочевников.

После значительного числа находок поясных накладок X в., последующий период демонстрирует значительное сокращение этих популярных древнерусских мужских украшений. Данное явление прослеживается на всей территории степного пояса Евразии, где с XI в. фиксируется резкое сокращение числа поясных украшений, что может быть связано с целым комплексом различных причин: как с упадком моды на эти украшения, так и со сменой культурных традиций, с распространением кипчаков-половцев или с другими, неизвестными нам событиями. Угасание моды на наборные пояса в Древней Руси можно также соотнести с уничтожением мощного государства кочевников – Хазарского каганата – и культурной переориентацией древнерусского общества на Византию. Эта культур-

ная переориентация не могла не идти рука об руку со сменой стиля украшений и костюма верхушки древнерусского общества. Во-вторых, вместе с христианизацией древнерусского населения богато украшенные пояса перестали попадать в погребения. Особенно сильно этот процесс выбывания вещей из погребальной обрядности затронул южные районы Руси – наиболее развитые и наиболее христианизированные.

Единственный древнерусский регион, где традиция ношения наборных поясов широко распространялась в течение всего XI столетия, это – Новгородская земля. Это тем удивительнее, что на Северо-Западе России находки наборных поясов до конца X в. исчисляются редкими отдельными находками³. Вероятно, до принятия христианства в этом регионе пояса с металлическими накладками не были обязательной частью мужского костюма. Археологические исследования демонстрируют, что в новгородских сопках поясная гарнитура практически не обнаружена (Седов, 1970. С. 24–28; Петренко, 1994. С. 70–91). По-видимому, первоначально на Северо-Западе мода на пояса с накладками была ограничена немногочисленной “дружинной” средой и княжеским окружением. В этой связи характерны более частые, чем в других местах, находки поясных украшений, относящихся к X в., на Рюриковом городище – резиденции новгородских князей.

Вместе с тем, следует отметить характерную особенность новгородского Северо-Запада – стилистическое и конструктивное единство большинства находок поясной гарнитуры XI–XII вв. Главное – в XI в. поясные наборы массово появляются в составе погребального инвентаря. По-видимому, в отличие от Южной Руси, в Новгородской земле (по неизвестным причинам), в течение XI в. сложился устойчивый тип пояса с постоянным числом элементов и единым художественным стилем (Михайлов, Соболев, 2000). Свообразие новгородских поясных накладок подчеркивается практически полным отсутствием ременных комплексов с набором и стилем накладок, подобных новгородскому, на других древнерусских территориях. Все это позволило нам выделить “новгородский” тип пояса в отдельный региональный вариант древнерусских поясных украшений.

Всего в границах Новгородской земли XI–XII вв. нами учтено около 33 пунктов с находками целых поясов и их деталей, связанных единой стилистикой (рис. 1; Прил. II)⁴. Однако после изучения географии распространения накладок от “новгородского” пояса,

оказалось, что не менее трех–пяти пунктов подобных находок также происходит из Южной Финляндии и Карелии⁵. Также около 29 пунктов с находками целых поясов и отдельных накладок на пояс “новгородского” типа стали известны на территории материковой Швеции и на острове Готланд (Jansson, 1988. S. 642–643; Thunmark-Nylén, 1995) (рис. 2; Прил. I)⁶. В число шведских находок входят около 15 отдельных разрозненных накладок, которые происходят из подъемного материала с о. Готланд (Thunmark-Nylén, 1998. Taf. 129, 133, 139, 140)⁷.

Состав элементов “новгородского” пояса:

1. Пряжка цельнолитая с овальной рамкой и полуовальным щитком. Щиток украшен орнаментом в виде трехлепесткового цветка (рис. 3, 1). Этот тип пряжки встречается как на шведских, так и на новгородских памятниках.

2. Бляшки пятиугольной формы со сходящимися к основанию сторонами. На щитке растительный орнамент и над орнаментом пальметта сердцевидной формы. Орнаментом в виде перлов украшен край накладки. Эта многочисленная группа бляшек представлена двумя видами: с “узкой” и “широкой” пропорциями (Мурашева, 2000. С. 16–17) (рис. 3, 2, 2a).

3. Бляшки “пятиугольной формы с параллельными сторонами” или бляшки со щитком “геральдической” формы. Растительный орнамент на этих накладках имеет антропоморфные черты и напоминает человеческое лицо. По краю – орнамент в виде “мелких перлов” (рис. 3, 3).

4. Бляшки сердцевидной формы с орнаментом, напоминающим трезубец, и с ободком по краю из мелких “перлов” (рис. 3, 4).

5. Бляшки полуовальной формы с орнаментом в виде пальметты, напоминающей усы, и с орнаментом в виде “перлов” по краю (рис. 3, 5).

6. Бляшки миндалевидной формы с орнаментом из “перлов” по краю и цветком и растительным орнаментом в центре (рис. 3, 6).

7. Железный “тренчик” – характерный конструктивный элемент пояса с соединительными кольцами в виде колечка овальной формы (рис. 3, 7).

8. Бронзовое соединительное кольцо (чаще всего круглое в сечении) (рис. 3, 8).

единственным типом ременных украшений на этих территориях. Но находки других типов поясной гарнитуры этого времени разрознены и малочисленны. На наш взгляд, единичные находки накладок других типов не влияют на развитие собственно “новгородской” поясной гарнитуры. Поэтому в этой работе они не учитываются. Следует также учитывать тот факт, что на таких памятниках, как Залахтovье и Минино, “новгородские пояса” обнаружены сразу в нескольких комплексах.

5 По некоторым сведениям отдельные находки “новгородской” поясной гарнитуры происходят из районов Коми.

6 Поясные накладки “новгородского” типа – только часть многочисленной ременной гарнитуры “восточного” облика в Скандинавии, которая, по большей части, учтена в работах И. Янссона и Л. Тунмарк-Нюлён (Jansson, 1988. S. 640–644; Jansson, 1986; Thunmark-Nylén, 1995; 1998).

7 Всего по каталогу Лены Тунмарк-Нюлён на Готланде учтены 21 пояс с “восточными” накладками и 69 “восточных” поясных накладок из случайных сборов (подъемный материал с поселений и могильников).

³ К единичным находкам поясных накладок X в. на Северо-Западе можно отнести экземпляры из могильников Старой Ладоги (Михайлов, 1997. С. 110; Орлов, 1956. С. 94–98), Рюрикова городища (подъемный материал из фондов НГМЭ) и находки с поселения Заполье-II – Тесово (Селин и др., 2001. С. 40–41). Напротив, на территориях, тяготеющих к Белоозеру, накладки булгарских типов распространяются в большом числе уже с X в. (Макаров, Захаров, 2003).

⁴ В совместной работе К.А. Михайлова и В.Ю. Соболева удалось выделить устойчивое сочетание одних и тех же элементов (типов блях) поясной гарнитуры, которое мы условно называли “новгородским” поясом XI–XII вв. (Михайлов, Соболев, 2001). Поясные наборы “новгородского” типа не являются

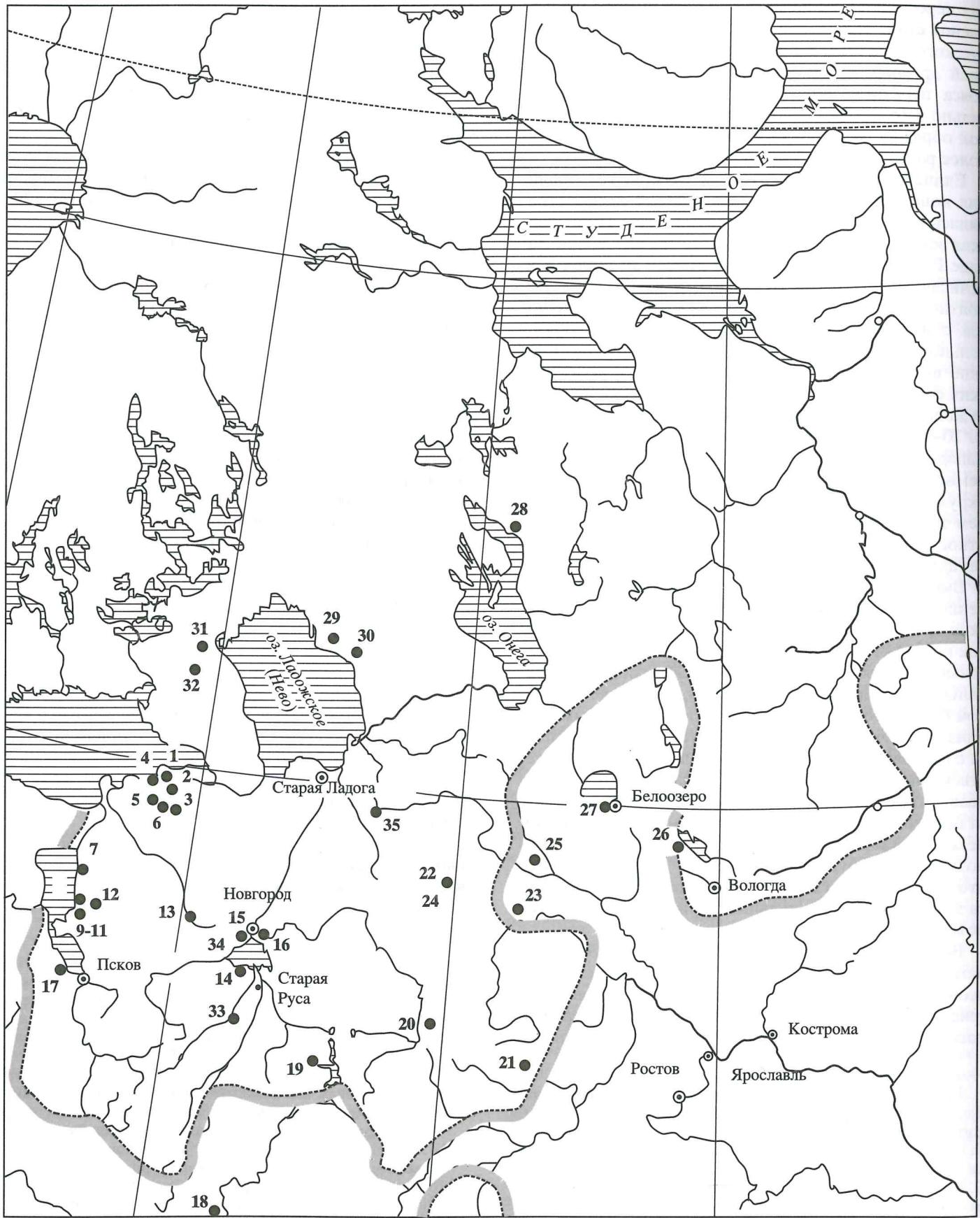

Рис. 1. Распространение поясов “новгородского” типа в Новгородской земле XI–XII вв. (по А.Н. Насонову)

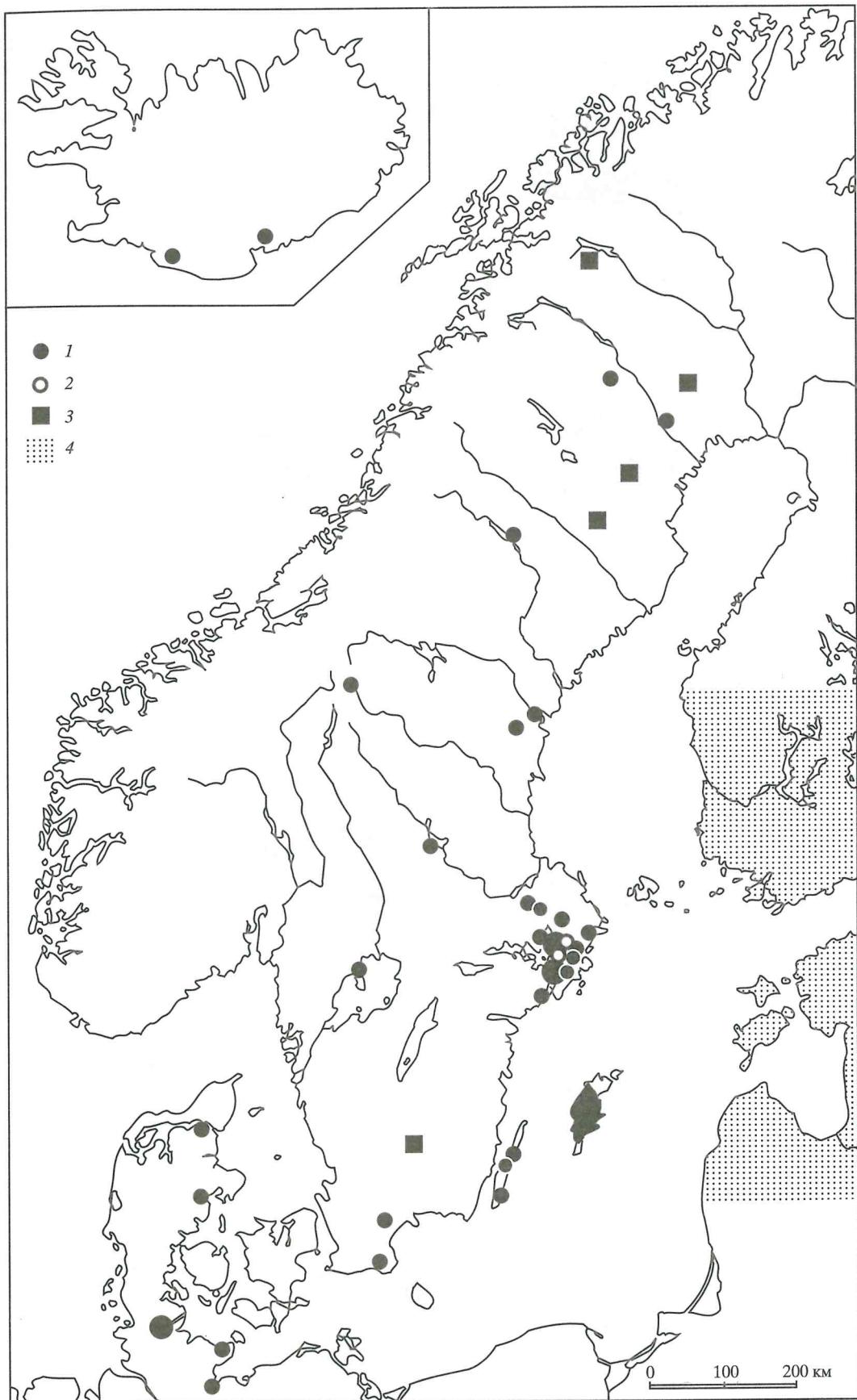

Рис. 2. Распространение находок поясной гарнитуры "новгородского" типа в Скандинавии (карта составлена по И. Янссону)

1 – мужские и женские захоронения с находками поясов с накладками восточных типов X–XII вв.; 2 – женские захоронения с отдельными поясными накладками восточного типа в качестве подвесок на ожерельях; 3 – отдельные находки поясных накладок восточных типов и находки в составе кладов; 4 – не картированная область распространения поясной гарнитуры

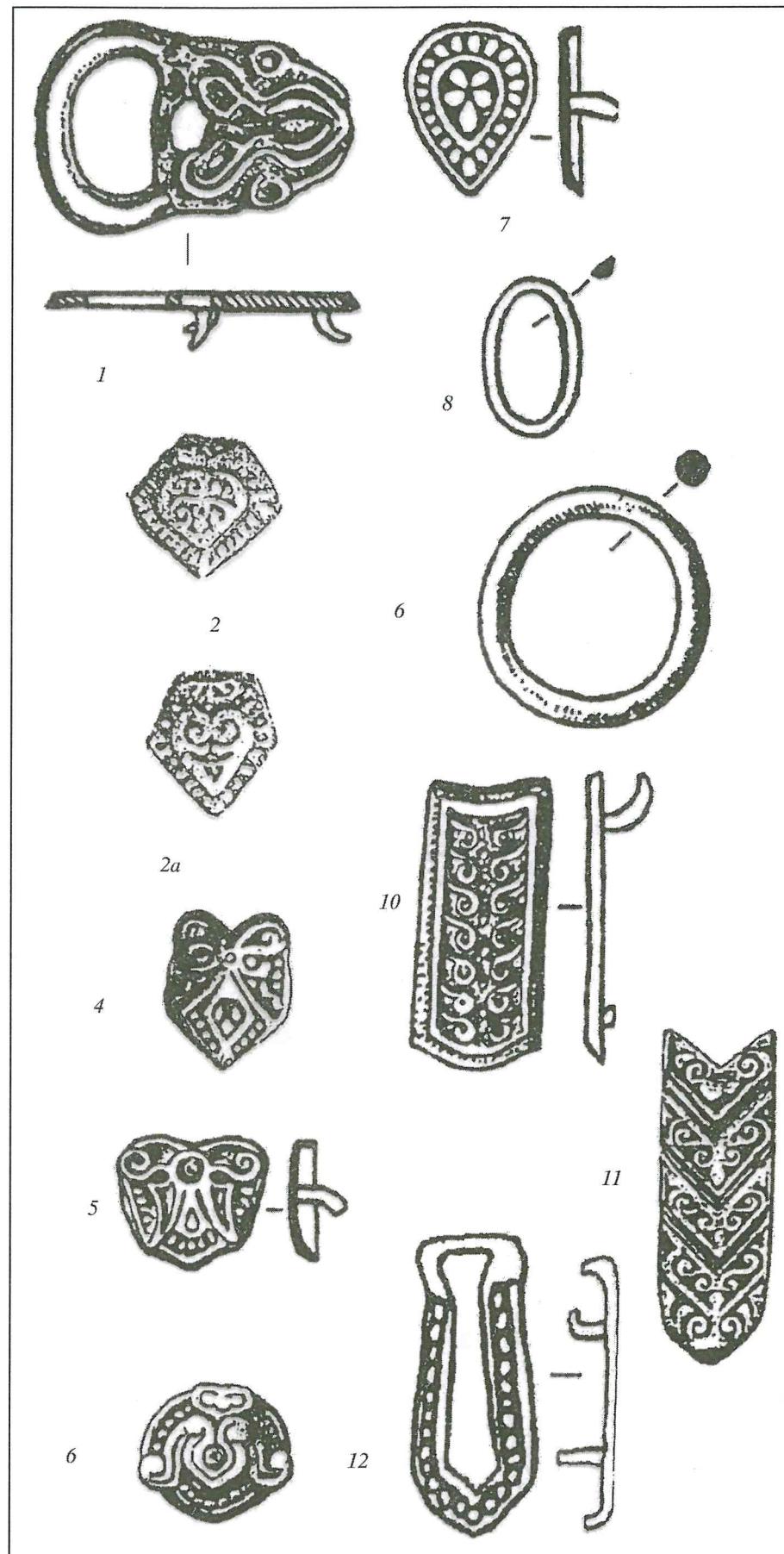

Рис. 3. Ременные накладки наборного пояса “новгородского” типа XI в.

9. Прямоугольный ременной наконечник с овальным нижним и полуовальным верхним краями и с орнаментом в виде завитков (рис. 3, 9).

10. Прямоугольный ременной наконечник с треугольным вырезом в верхнем крае (в виде “ласточкиного хвоста”) и заостренным нижним краем (рис. 3, 10), с растительным орнаментом⁸.

11. Наконечник овальной (“рыбовидной”) формы с орнаментом в виде “перлов” по краю (рис. 3, 11).

Конструкция пояса. Характерной особенностью большинства поясов “новгородского” типа можно считать наличие двух соединительных колец, которые делят пояс на три части (рис. 3) (Зайцева, 1999. С. 283). Во время раскопок были обнаружены целые части кожаных ремней, соединенных бронзовыми кольцами. Исследователи, открывавшие такие пояса, отмечали, что ремни загибались через кольца и крепились при помощи железных обоймиц овальной формы – “тренчиков” или бронзовых ременных наконечников. Поясные накладки прикреплялись к кожаному ремню при помощи крючков или заклепок. Крепление при помощи заклепок, по-видимому, наиболее характерно для находок с территории Швеции. Среди находок XI в. редко попадаются пояса с дополнительными ремешками, которые до X в. были обязательной деталью пояса. Иногда попадаются накладки со следами ремонта, когда сломанные крючки заменялись заклепкой. Подобные пояса со следами ремонта чаще всего происходят с территории Швеции и, особенно, с территории о. Готланд. Например, многие поясные бляхи из прихода Тингстеде/ Tingstäde, погребения открытого Г. Тротцигом в могильнике Башалдер / Barshalder, и погребений могильника Мёлнер II / Mörlner II имеют следы ремонта (Прил. I, № 27, 30, 35) (*Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 63, 7; 445, 3–10; *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 139, 14, 18, 19; 140, 1). На некоторых ременных наконечниках из этих коллекций новые крючки прикреплены поверх сохранившихся первичных креплений, отлитых вместе с наконечником. Эти отремонтированные “новгородские” поясные бляхи свидетельствуют о той ценности, которую они представляли для тех, кто носил эти пояса в Швеции. Ремонт целых поясных наборов говорит о достаточно долгом периоде использования этих накладок, возможно в течение всей жизни владельца.

География. На Северо-Западе находки “новгородских” поясов и их деталей распределяются следующим образом (рис. 1): шесть пунктов расположены на Ижорском плато (Прил. II, № 1–6); четыре пункта обнаружены на восточном берегу Чудского озера (Прил. II, № 7–12); не менее пяти пунктов находятся по берегам Ладожского озера, на землях средневекового племени карела (Прил. II, № 29–32) и в Юго-Восточном Приладожье (Прил. II, № 35). Один пункт происходит с северного берега оз. Онega и скорее всего также связан с карелами (Прил. II, № 28). Из центрального района Новгородской земли, района Новгорода и с побережья оз. Ильмень происходит не менее 5 находок (Прил. II, № 13–16, 33, 34). Остальные находки распределяются

по южной и восточной границе Новгородской земли. Южная граница распространения “новгородских” типов поясной гарнитуры почти совпадает со средневековой границей Новгородской и Тверской земель. Эти находки происходят из Березовецкого могильника, погребения в д. Андрейково и погребения из д. Отмичи (Прил. II, № 19, 20, 23). Восточная граница распространения отмечена находками погребений с поясами и отдельными находками в Весьегонске, в Минино на Кубенском озере и в Белоозере (Прил. II, № 21, 26–27). Следует отметить, что на территории самого Новгорода, на усадьбах боярских семей, накладки этих типов почти не известны. Напротив, отдельные бляхи от “новгородских” поясов были обнаружены во время раскопок последних лет на территории княжеской резиденции на Рюриковом городище. Распределение находок гарнитуры “новгородских” поясов, за некоторыми исключениями, достаточно точно совпадает с границами Новгородской земли XII–XIII вв., установленными А.Н. Насоновым (Насонов, 2002. С. 64–84). Особо следует отметить, что значительная часть находок тяготеет именно к вероятным границам Новгородской земли XI–XII вв., которые были несколько более обширными, чем более позднее территориальное деление (рис. 1). Географический феномен такого широкого распространения поясов одного облика может быть связан как с этнокультурными особенностями окраинных территорий Новгородского государства (таких как Причудье, Ижорское плато, Карелия), населенных финно-уграми, так и со специфической милитаризированной культурой приграничных территорий. Можно предполагать, что в приграничных землях, где противопоставление “свой – чужой” обязательно связано со знаковой символикой, пояса “новгородского” типа могли стать символом “своих” для новгородских сборщиков даны. Пояса могли иметь социальное значение, обозначая статус владельца на новгородских землях.

На землях средневековой Швеции большинство элементов и целых поясов “новгородского” типа происходит из центральных и южных приходов о. Готланд и региона озера Меларен, провинций Уппланд и Сёдерманланд – центральных районов средневекового шведского государства (рис. 2). За пределами Центральной Швеции отдельные накладки “новгородских” типов обнаружены на о. Оланд и в провинции Смоланд, а также к северу от оз. Меларен в провинциях Гёстрикланд, Даларна и на землях саамов (рис. 2; Прил. I). Подобные находки до сих пор не известны в областях южной Швеции, принадлежавших датской державе, и на территориях племени гаутов в провинциях Ост и Вестерётланд, а также на малонаселенном норвежско-шведском пограничье. Отдельные элементы “новгородских” поясов, а также подражания “новгородским” поясным накладкам найдены в Южной Финляндии и на Карельском перешейке в местечках: Еура-Османмяки, Кирстула, Куркиёки, Карку, Саккола-Лапинлахти (*Kivikovski*, 1951. С. 120–121, Taf. 108)⁹.

⁸ В состав этого набора вошли только наиболее часто встречающиеся элементы, которые создают устойчивый набор.

⁹ В Хельсинки (Финляндия), в Suomen Kansallismuseo находятся накладки “новгородского” типа из: Eeura-Osmanmäki № 3306:5; Sakkola-Lapinlahti, № 7754:2, 29; № 11367:97; Karkku-Palviala № 5352:141; Kurkijoki-Kiuppala, № 8885:53; Hämeenlinna-Kiirstula-Riihimäk, № 30304:246, 1823, 2037–2041.

В отличие от Швеции, в могильниках Финляндии попадаются, преимущественно, только отдельные накладки “новгородских” типов, но еще чаще – местные подражания таким накладкам.

Обстоятельства находок. Большинство находок поясной гарнитуры “новгородского” типа связано с погребениями по обряду трупоположения и, вероятно, происходит из ранних христианских могильников. На территории самой Новгородской земли все находки такой поясной гарнитуры происходят из мужских погребений (Михайлов, Соболев, 2000. С. 225). На поселениях такие находки известны только в Новгороде, на Рюриковом городище и на территории средневекового Белоозера, т.е. в крупных средневековых городских центрах. Похожая закономерность прослеживается на территории Средней Швеции, где (за исключением города Сигтуна, торговой гавани Фрёйель на о. Готланд и гавани Копинсвик на о. Оланд) древнерусские поясные накладки обнаружены, преимущественно, только в раннехристианских мужских трупоположениях (Прил. I, № 4, 6, 28, 29). Единственным исключением из этого ряда стала находка пояса из женского погребения на острове Оланд в провинции Смоланд (Прил. I, № 3). Большинство захоронений с поясами располагались на кладбищах сельских общин, за пределами торговых мест, часто не более одного пояса на один могильник.

Хронология. Если опираться на хронологию новгородских древностей, то большинство погребений с поясами “новгородского” типа можно датировать хронологическим периодом между первой четвертью XI и серединой XII в. (Лесман, 1984. С. 118–153). Немногочисленные находки поясов в парных погребениях позволяют получить более узкие даты: Бустьрыгино – конец XI в.; Безьва – середина – последняя четверть XI в.; Челмужи – вторая половина XI в.; Заозерье – конец X – начало XI в.; Удрай – начало – середина XI в. (Михайлов, Соболев, 2000. С. 226). К XI в. исследователи относят погребения с поясами из Кабожи и Залахтовья (Тухтина, 1990. С. 135). Мужское захоронение с поясом из могильника Минино-II оказалось перекрыто погребением с немецким денарием Генриха III (1044–1056). Вероятно, в этом случае погребение не может быть датировано позднее середины XI в. (Зайцева, 1999. С. 284). По-видимому, первой половиной XI в. датируются погребения с “новгородскими” поясами из могильников Малы и Усть-река (Седов, 1976. С. 90; Ершевский, Конецкий, 1985. С. 63). Наблюдения за находками поясной гарнитуры “новгородского” типа на Рюриковом городище свидетельствуют, что все они сделаны или в верхней, не датированной, части культурного слоя или в прослойках, которые сформировались не ранее XI – начала XII в. Древнейшей находкой, относящейся к поясной гарнитуре “новгородского” типа, можно считать накладку, которая обнаружена в 27-м ярусе Неревского раскопа и может быть отнесена к 70–80-м годам X в. (Седова, 1981. С. 147–149) (тип 5, рис. 3, 5).

Шведская исследовательница Лена Тунмарк-Ньюлен относит готландские находки из могильников с трупоположениями, в том числе и “восточные” пояса, к XI–XII вв. (Thunmark-Nylén, 1991. S. 196–197). Этую да-

тировку подтверждают многочисленные вещи, выполненные в скандинавском стиле Урнесс, обнаруженные вместе с поясами “новгородских” типов. Клад торговца, найденный на озере Фюрен (Швеция), с отдельными деталями наборных поясов исследователи относят ко второй половине – концу XI в. (Zetterberg, 1958. S. 162). Пряжка с овальной рамкой и орнаментом в виде трилистника (тип 1, рис. 3, 1) из Rautasjarve (Швеция) была найдена вместе с монетами первой половины – середины XI в. (монеты королей Этельреда, Кнута Могучего, Хардакнута, Свена Эстридсона, Харальда Хардрада) (Serning, 1956. S. 113, Taf. 2, 20). В погребении из Норра Спонга / Norra Spånga (Уппланд, Швеция) пояс “новгородского” типа был обнаружен с монетой датско-английского короля Хардекнута (1035–1042) (Biuw, 1992. S. 49). В погребении из квартала Eken (Стокгольм) вместе с поясом нашли монету императора Генриха III (1046–1056)¹⁰. В каталоге Ингмара Янссона, посвященном “восточным” импортам в Скандинавии, все накладки “новгородских” типов отнесены к “поздней эпохе викингов”, т.е. к периоду с конца X по начало XII в. (Jansson, 1988. S. 642–643). Все доступные данные по хронологии комплексов с поясами “новгородского” типа указывают на то, что они могли существовать в пределах XI в. В то же время, нельзя исключать того, что самые первые элементы этого набора могли появиться уже на рубеже X–XI вв. Велика вероятность того, что некоторые из этих поясов могли “доживать” до начала XII в. Однако, как мне кажется, эти поясные наборы существовали в культуре только одного–двух поколений первых христиан Новгородской земли и Средней Швеции.

“Южная” группа древнерусских поясов. Вместе с тем, одновременно с поясами “новгородского” типа в средневековой Швеции распространялись пояса, украшенные в иной, отличной от “новгородской”, художественной традиции. Эти ременные украшения восточного облика относятся к одному с “новгородскими” поясами временному периоду (XI–XII вв.) и обнаружены на тех же могильниках, в раннехристианских трупоположениях. Они отличаются от “новгородских” поясных накладок как своеобразным художественным обликом, так и иным технологическим исполнением (рис. 4). Данные поясные бляшки изготовлены из медного сплава, но их поверхность покрыта “белым” металлом (по-видимому, свинцово-оловянистым сплавом) и украшена орнаментом в технике чернения. Орнамент на накладках имеет более глубокие канавки, чем это обычно принято на ременной гарнитуре, вероятно, специально для украшения чернью. В Швеции находки таких ременных украшений не выходят за пределы острова Готланд (Прил. III, № 1–14)¹¹. Они представлены двумя типами блях, которые можно обозначить как накладки: “сердцевидной” и “геральдической” или “щитовидной” формы (рис. 4, 1, 2). В отличие от рельефной поверхности накладок “нов-

¹⁰ Материалы погребения не опубликованы и хранятся в городском музее Стокгольма (№ Dnr 846/46).

¹¹ Кроме Готланда, по одной накладке “щитовидной” формы обнаружено в саамском погребении в Вивален и на маленьком острове Готска Сандом (Прил. III, № 13, 14).

городского” типа, поверхность этих блях плоская, орнамент вырезан на поверхности блях, заполнен чернением и затем покрыт “белым” металлом, видимо, имитирующим серебро. До сих пор подобные ременные украшения не встречались на территории Древней Руси. Однако и для Швеции подобные поясные гарнитуры не являются характерной особенностью мужского убора. На острове Готланд некоторые из этих поясов обнаружены в погребениях вместе с западноевропейскими металлическими мисками. Густав Тротциг считает, что эти погребения с латунной посудой принадлежали представителям верхушки островного общества. Исследователь датировал погребения с поясами и медной посудой второй половиной XI в. (Trotzig, 1991. S. 139, 232–236; 270–272).

В Восточной Европе одной из немногих аналогий этим редким готландским находкам стала накладка, обнаруженная в древнерусском слое города Саркел-Белая Бежа (рис. 4, 3) (Плетнева, 1996. Рис. 50, 2652; Макарова, 1986. С. 27; Рис. 9, 13). В связи с саркельскими находками ременных украшений Т.И. Макарова отметила, что начало развития черневого дела на Руси связано с изготовлением предметов воинского быта и на раннем этапе является результатом работы пришлых мастеров-одиночек. Она связывает появление древнерусских черненых вещей с южным регионом и деятельностью хазарских ремесленников. Собственно древнерусское черневое дело начинает развиваться (по Макаровой) не ранее конца XI в. (Макарова, 1986. С. 29–33). Следовательно, находки поясной гарнитуры X–XI вв., украшенные чернением или черненой инкрустацией, из региона Нижнего Подесенья, Поднепровья и Северного Причерноморья указывают на изначальную территорию формирования этой древнерусской художественной традиции (Орлов, 1984б. С. 38–39; Мурашева, 2000. С. 93). Таким образом, датировка, формы и техническое исполнение группы восточных поясов с острова Готланд позволяют нам связать их с регионом Южной Руси. Для того чтобы отличать данные поясные наборы от “новгородских”, предлагаю условно назвать их поясами “южной” группы¹².

Во время недавних раскопок в центре Киева в слоях XI–XIII вв. “города Ярослава” украинские исследователи обнаружили две бляшки сердцевидной формы, полностью аналогичные форме и орнаменту поясной гарнитуры “южной” группы с о. Готланд (Мовчан, Климовский, 2002. С. 195)¹³. По внешнему облику очень близок к этим накладкам пояс с сердцевидными бляхами, украшенными черненым орнаментом, из “княжеского” погребения XI в., обнаруженного в 1938 г. в Десятинной церкви (Каргер, 1940. С. 12–20). Калибранные даты захоронения, полученные при помощи радиоуглеродного датирования костей погребенного мужчины, укладываются в пределах

997–1025 гг., при среднестатистической дате – 1011 ± 14 гг. (Андрощук, Панченко, Ковалюх, 1996. С. 45–46). Форма и орнамент поясных накладок и использование черни позволяют нам сопоставить пояс “княжеского” захоронения в Десятинной церкви с бляхами “сердцевидной” формы с о. Готланд и отнести их к одной группе. Наиболее близкие параллели у этой находки с накладками из могильника Башальдер/Barshalder на о. Готланд (Прил. III, № 10) (Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 63, 3). Только в двух погребениях из Вивален в шведской Лапландии, датированных XI в., и в могильнике Башальдер/Barshalder на кладки “новгородского” и “южного” типа раз встречены в составе одного поясного набора (Прил. III, № 10, 14) (Hallström, 1944. P. 305–344; Zachrisson, 1997. S. 71–75; Jansson, 1988. S. 642). Ингмар Янссон считает, что в Швеции подобные поясные накладки можно датировать “поздней эпохой викингов” – до начала XII в. (Jansson, 1988. S. 612; Abb. 23, 14, 15).

Конечно же, “южная” группа поясной гарнитуры не исчерпывалась только двумя типами металлических поясных блях. Вероятно, на юге Древней Руси разнообразие поясных украшений было больше, чем мы сейчас знаем. Например, в последнее время все чаще в Швеции стали находить бляхи круглой формы, украшенные характерным орнаментом в виде трех спиралей. Такие накладки найдены в составе пояса из квартала Екен в Стокгольме, в погребении из могильника Мёлнер II на о. Готланд и в составе пояса из Позорья под Новгородом (Прил. I, № 8, 27; Прил. II, № 34)¹⁴. Наиболее близкая аналогия этим находкам происходит из погребения кочевника в Ново-Каменке в Херсонской области, где круглые накладки входили в состав украшений уздечного набора (Кубышев, Орлов, 1982. С. 242, рис. 2, 14, 15). Р.С. Орлов относит такие бляхи к произведениям южнорусских городских ремесленников (Кубышев, Орлов, 1982. С. 244–245).

Находки поясной гарнитуры в Швеции и в Новгородских землях показывают, что в XI в. фактически единовременно на территории Древней Руси существовало две сложившиеся традиции украшения мужского воинского пояса. Первая традиция, обозначенная нами как пояса “новгородского” типа, существует в границах Новгородской земли XI–XII вв. За ее пределами она широко распространяется на территории средневековой Швеции, в Южной Финляндии, в Карелии и на о. Готланд. Вторая традиция, которая обозначена нами как “южная” или “южнорусская”, в Швеции известна, преимущественно, только на о. Готланд. Там пояса “южной” группы обнаружены практически в тех же могильниках, что и пояса “новгородского” типа. На территориях Северо-Запада поясные накладки “новгородской” и “южной” группы почти не встречаются вместе. Совместно они найдены только в культурном слое средневекового города Белоозеро, т.е. за пределами новгородских владений.

Как мне кажется, совершенно не обоснована точка зрения о местном, готландском происхождении этих поясов. Если на древнерусских землях почти целое

¹² Всего мной учтено 16 пунктов с поясами и накладками “южной” группы (Прил. III).

¹³ Вероятно, несколько находок поясных накладок “южной” группы происходят также из сборов подъемного материала на месте средневекового города Белоозеро (Захаров, 2004. Рис. В66, 49–50, 55, 64).

¹⁴ Три бляхи такой формы происходят из Bärtö, St. Per sn. в Уппланде (SHM 20878:7).

Х столетие традиция ношения наборных поясов распространялась в “дружинной” среде и тиражировалась местными ремесленниками, то в Швеции эта традиция полностью отсутствовала вплоть до начала XI в. Конечно же, в Швеции “новгородские” и “южные” пояса часто дополняли местными типами пряжек или разделителями в стиле Урнесс. Однако, на мой взгляд, этих деталей недостаточно для констатации факта местного, шведского происхождения некоторых типов наборных поясов (Зайцева, 1999. С. 285; Хвоцкая, 2004. С. 93). Скорее всего, в Швеции замене подвергались наиболее часто ломающиеся детали конструкции – рамки на пряжках, заклепки, крючки, но не более¹⁵.

Одиннадцатое столетие стало закономерным итогом развития традиции наборных поясов. За периодом заимствований и подражаний появилась собственно древнерусская стилистика воинского пояса. Именно сохранившимся представлением о престижности этого древнерусского украшения можно объяснить его широкое распространение в Швеции. На мой взгляд, древнерусское происхождение этих поясов не вызывает сомнения. Древнерусская традиция выявляется особенно ярко в связи с тем, что кочевники в XI в. почти перестали носить и изготавливать поясные украшения. На мой взгляд, пояса “южного” типа были привезены на Готланд с территории Южной Руси, где еще с X в. получила распространение техника чернения. Малочисленность находок древнерусских поясов “южной” группы на территории Киевской земли, по-видимому, объясняется изменением погребального обряда и более пристальным вниманием церковных властей за его соблюдением. Нахodka подобного пояса в Десятинной церкви может свидетельствовать о моде на подобный тип украшения у верхушки кievской аристократии.

Вероятно, древнерусские пояса могли распространяться в Швеции вместе с купцами, которые бывали в Новгороде и, возможно, принимали крещение или оглашение. Этую версию подтверждают находки в торговых местах, таких как готландская торговая гавань Фрёйель, Кёпинсвик – гавань на острове Оланд и город-порт Сигтуна, где поясные бляшки обнаружены как в культурном слое поселений, так и в могилах горожан. Распространение моды на подобные украшения подтверждает и тот факт, что часть из них была изготовлена по оттиску, т.е. копировалась с оригинальных образцов. Эти находки и находка пояса в “княжеском” погребении в Киеве указывают на то, что и в первой половине XI в. пояса с металлическими накладками еще продолжали носить в среде древнерусских дружинников и окружении князей. Происхождение этой быстро распространившейся традиции в Швеции может быть двояким: копирование моды русской элиты, с которой шведы сталкивались в Новго-

роде, и ее распространение вместе с крещеными шведами. Последнее предположение вполне вероятно, так как большинство находок происходит из погребений по обряду ингумации.

Шведские находки удачно подтверждают и дополняют хронологию древнерусской поясной гарнитуры в той области, где отечественные материалы малочисленны. В связи с этим, выявленные типы поясных накладок могли бы стать хронологическим репером XI в. для тех памятников, где материал не очень разнообразен и не дает других оснований для датирования.

Литература

- Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М., 1996. До пе-редисторії спорудження Десятинної церкви: (хронологічний аналіз поховань комплексів) // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.
- Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.
- Добжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.
- Гродзилов Г.П., 1941. Село Челмужи // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.; Л.
- Еремеев И.И., 2002. Средневековые археологические памятники окрестностей г. Холма (по материалам ГИМа) // Доклад на XVI научной конференции “Новгород и Новгородская земля: История и археология”. Великий Новгород.
- Ершевский Б.Д., Конецкий В.Я., 1985. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Зайцева И.Е., 1999. Наборный пояс из могильника Минино II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 13.
- Зайцева И.Е., 2001. Цветной металл. Украшения. Ювелирные мастерские // Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия (шесть лет исследования Мининского археологического комплекса). Вологда.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Каргер М.К., 1940. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. М.; Л. Т. IV.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. II // САИ. М. Вып. Е1-36.
- Кочкуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.
- Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. № 1.
- Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л.
- Ляуданский А.Н., 1932. Археологічні досліді на Смаленщчині // Праць сэцкай археолёгії Беларускай АН. Менск. Т. III.
- Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.
- Мильков В.В., 1994. Исследования курганов древнерусского времени у с. Левоча Хвойнинского района Новгородской области // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 8.
- Михайлов К.А., 1997. Погребение воина с двумя конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволжья. СПб.
- Михайлов К.А., Соболев В.Ю., 2000. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // Археологические вести. СПб. № 7.
- Мовчан І.І., Климовський С.І., 2002. Дослідження “граду Ярослава” стародавнього Києва // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001. Київ.
- Мурашева В.В., 2000. Древнерусские ременные украшения (Х–ХIII вв.). М.

¹⁵ Исключением являлся могильник викингов Бирка, где сохранились погребения с восточными поясами и кафтанами. Скорее всего, эти погребения Бирки принадлежали купцам, приехавшим с территории Древней Руси. За пределами Бирки “восточные” ременные бляхи чаще всего находят в составе женских ожерелий.

- Насонов А.Н.*, 2002. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. СПб.
- Орлов Р.С.*, 1983. Художня металлообробка у Києві в X в. // Археологія. Київ. № 42.
- Орлов Р.С.*, 1982. Уздечний набор из Ново-Каменки // Советская археология. М. № 1.
- Орлов Р.С.*, 1984а. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М.
- Орлов Р.С.*, 1984б. Північнопричорноморський центр художньої металлообробки у X–XI ст. // Археологія. Київ. № 47.
- Орлов С.Н.*, 1956. Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге // КСИА. М. Вып. 65.
- Петренко В.П.*, 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволжья. СПб.
- Платонова Н.И.*, 1983. Отчет о полевых исследованиях в Ленинградской и Новгородской областях в 1983 г. // Архив ИИМК РАН. Р-1, Д. 10653, 10653 а–б.
- Платонова Н.И.*, 1992. Камерное погребение в кургане у д. Удрай Новгородской области // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 6.
- Плетнёв В.А.*, 1884. О курганах и городищах Тверской губернии. Тверь.
- Плетнёв В.А.*, 1903. Об остатках древности и старины Тверской губернии. Тверь.
- Плетнёва С.А.*, 1996. Саркел и “шелковый путь”. Воронеж.
- Попов С.Г.*, 1989. Городище Сторожинец // КСИА. М. Вып. 198.
- Попов С.Г.*, 1991. Отчет Гдовского отряда ИИМК РАН о работах в 1991 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1991. Д. 19.
- Равдоникас В.И.*, 1939. Памятники феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // Изв. ГАИМК. Л. Вып. 94.
- Седов В.В.*, 1970. Новгородские сопки // САИ. М. Вып. Е1-8.
- Седов В.В.*, 1976. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. М. Вып. 146.
- Седова М.В.*, 1981. Ювелирные украшения древнего Новгорода (Х–ХV вв.). М.
- Селин А.А., Антипов И.В., Красильникова В.М.*, 2001. Исследования Тесовского отряда Северо-западной экспедиции РНИИ КПН в 1998–1999 гг. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.
- Спицын А.А.*, 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. СПб. № 20.
- Спицын А.А.*, 1903. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР. СПб. № 29.
- Тухтина Н.В.*, 1966. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X–XII вв. // Тр. ГИМ. М. Вып. 40.
- Тухтина Н.В.*, 1990. Курганская группа Кабожа I // Тр. ГИМ. М. Вып. 74.
- Успенская А.В.*, 1970. Отчет о раскопках Селигерской археологической экспедиции 1970 г. // Архив Института археологии РАН. Д. 4234. Л. 11.
- Успенская А.В.*, 1993. Березовецкий могильник X–XII вв. // Тр. ГИМ. М. Вып. 82.
- Ушаков, 1844. Дневник разрытия курганов (доставлен в Императорскую Академию наук помещиком Новгородской губернии г. Ушаковым) // Санкт-Петербургские вед. 1844. № 286. 15.12.
- Хвоцкая Н.В.*, 1997. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безъя) // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. СПб.
- Хвоцкая Н.В.*, 2004. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье) // Тр. ИИМК РАН. СПб. Т. VI.
- Arne T.*, 1914. La Suede et l'Orient. Uppsala.
- Bellanger E.*, 1938. Gästriklands järnåldersbebyggelse. Från Gästrikland. 1.
- Biuw A.*, 1992. Norra Spånga. Stockholm.
- Carlsson D.*, 1999. “Ridanäs” Vikingahamnen i Froöjel. Visby.
- Hallström G.*, 1944. Gravfältet på Vivallen i Funäsdalen // Heimbygdas tidskrift (Fornvår daren 8:4). Östersund.
- Jansson I.*, 1986. Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birkhauser. Stockholm. II : 2.
- Jansson I.*, 1988. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz am Rhein. Bd. 69.
- Kivikovski E.*, 1951. Die Eisenzeit Finlands. Helsinki.
- Raudonikas W.J.*, 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet // Kongl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Stockholm. Del 40 : 3.
- Ölands järnåldersgravfält. Stockholm., 1987. Vol. I.
- Salin B.*, 1904. Vikingatidsfynd från Fornvi i Ockelbo socken, Gästrikland // Kongl. Vitterhets historie och Antikvitets akademiens Månadsblad 1898–99. Vol. 56.
- Schulze H.*, 1978. Köpingsvik under vikingatiden // Kalmar Län. Kalmar. Årgång 63.
- Serning I.*, 1956. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid // Acta Lapponica. Uppsala. Vol. XI.
- Serning I.*, 1966. Dalarnas Järnålder. Stockholm.
- Thålin-Bergman L.*, 1987. Det Vikingatida Freskati. Stockholm.
- Thunmark-Nylén L.*, 1991. Vikingatid eller medeltid? // TOR. Uppsala. Vol. 23.
- Thunmark-Nylén L.*, 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. Bd. I: Abbildungen der Grabfunde. Stockholm.
- Thunmark-Nylén L.*, 1998. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. Bd. II: Typentafeln.
- Trotzig G.*, 1991. Craftsmanship and function: A study of metal vessels found in Viking-Age tombs on the island Gotland, Sweden. Stockholm.
- Wigren S., Öström K.*, 1984. Femton kilometer forntid under motorvägen: Arkeologiska undersöknigar 1979–1981 // RAÄ RAPORT UV. Stockholm. 1984 : 30.
- Zachrisson I.*, 1984. Öastligt och vstligt // Fornvännen. Stockholm. 79.
- Zachrisson I.*, 1997. Gravarna. Gravgårna // Mäteni gränsland: Samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm. (Monographs; 4).
- Zetterberg I.*, 1958. Furenfyndet – ett senvikingatida småländskt handelsfynd // TOR. Stockholm. Vol. IV.

Приложение I

Список находок поясов и отдельных накладок “новгородского” типа на территории Швеции

Схема описания: памятник-приход или город-провинция, литература, рисунок (номера типов поясной гарнитуры соответствуют номерам на рисунке № 3).

1. Bengtsarvet grav 2 (centralgraven) Sollerö sn, Dalarna (трупосожжение). *Serning*, 1966. Pl. 77, 2. S. 190; *Jansson*, 1988. S. 642. (Рис. 3, 1).
2. Furen, Härlöv sn., Småland (клад на озере Фюрен). *Zetterberg*, 1958. S. 162–163. Fig. 7, G, b; *Jansson*, 1988. S. 642. (Рис. 3, 2, 9).
3. Köping skola, Köping sn, Småland, Öland (женское захоронение). Ölands järnåldersgravfält, 1987. S. 99–100; *Jansson*, 1988. S. 643. (Рис. 3, 2, 10, 3, 5).
4. Köpingvik, Köping sn, Småland, Öland, (торговое место поздней эпохи викингов). *Schulze*, 1978. fig. 65; *Jansson*, 1988. S. 643. (Рис. 3, 9).
5. Vivallen, Tännäs sn, Härdedalen. *Hallström*, 1944. S. 305–344; *Zachrisson*, 1997. S. 71–75; *Jansson*, 1988. S. 642. (Рис. 3, 10, 8, 6, 9).

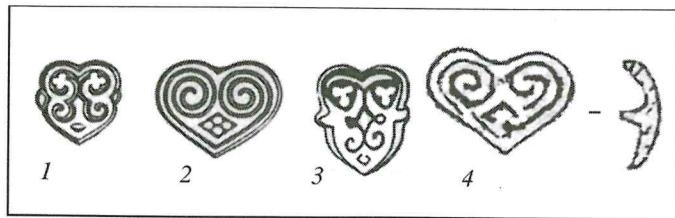

Рис. 4. Типы накладок "южной" группы. Поясные на-кладки "южной" группы XI–XII вв.

1–2 – накладки с о. Готланд (по И. Янссону), 3 – поясная на-кладка из крепости Саркел-Белая Вежа (по Т.И. Макаровой), 4 – поясная накладка из Киева (по И.И. Мовчану)

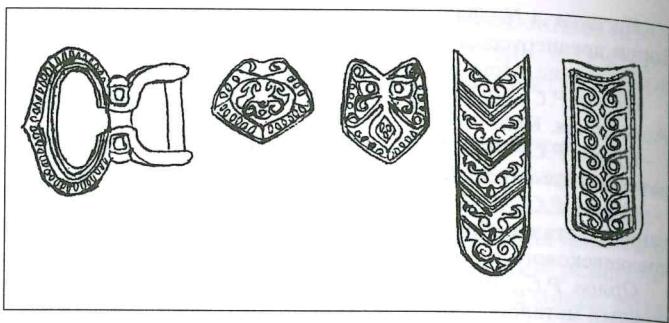

Рис. 6. Пояс из кургана 165 в Залахтовые XI в. (по Н.В. Хвощинской)

6. Sigtuna, Uppland (городской слой). Раскопки Стен Теша и Хольгера Арбмана. Не опубликовано. Хранится в музее Сигтуны, kv Trädg.mast 9010, Fnr. 9, 6917, 4876, 4897, 6270, 15459, 24103. (Рис. 3, 10, 4, 3).
7. Sille; Västerljung, Södermanland (мужское трупоположение XI в.). Wigren, Öström, 1984. A. 125, f. 130; Jansson, 1988. S. 642. (Рис. 3, 1, 2, 8, 9; 6).
8. kv. Eken, Sundbyberg, Uppland (мужское погребение). Хранится в музее г. Стокгольма. Jansson, 1988. S. 643. (Рис. 3, 8, 4, 3, 10).
9. Ärvinge, Norra Spånga, Uppland (могильник 156, погребение № 44). Biuw, 1992. S. 49, 206; Jansson, 1988. S. 643. (Рис. 3, 3).
10. Skälby, Sollentuna, Uppland (курган № 60). Arne, 1914. Fig 144; Jansson, 1988. S. 643. (Рис. 3, 10, 3).
11. Kyrkogården, Funbo sn, Uppland. Jansson, 1988. S. 642. (Рис. 3, 10).
12. Hemlingby, Valbo, Gästrikland; Bellanger, 1938. S. 90; Jansson, 1988. S. 642. (Рис. 3, 5, 9).
13. Varris, Vilhelmina sn, Lappland. Zachrisson, 1984. S. 145–149; Jansson, 1988. S. 643. (Рис. 3, 10).
14. Raustasjaure, Jukkasjärvi, Lappland (клад или культовое место саамов-лапландцев). Т. Арне ошибочно отнес пряжку к Гретреску. Serning, 1956. S. 113, Taf. 2, 20; Jansson, 1988. S. 643. (Рис. 3, 1).
15. Gråträsk, Lappland (саамское святилище). Serning,

1956. Pl. 53, 2; Jansson, 1988. S. 643. (Рис. 3, 6, 11).
16. Fornvi, Ockelbo sn, Gästrikland. Salin, 1904. S. 56, Abb. 2, 3; Jansson, 1988. S. 642. (Рис. 3, 5, 7).
17. Norborge park fyndpl., Botkyrka sn, Uppland. Jansson, 1988. S. 642.
18. Frescati (курган № 4, трупоположение), Solna (Roslagen), Uppland. Thålin-Bergman. 1987. S. 21; Jansson, 1988. S. 643. (Рис. 3, 9).
19. Klinte, Gotland (случайная находка). Thunmark-Nylén, 1998. Taf. 140, 5. (Рис. 3, 6).
20. Cutte, Bäll, Gotland; Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 22, 9–11. (Рис. 3, 2, 3, 6).
21. Barshalder, Grötlingbo, Gotland; Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 78, 1, 3. (Рис. 3, 3).
22. Havor, Hablingbo, Gotland. Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 113, 4–10. (Рис. 3, 3, 7–9).
23. Broa/Högbro, Halla, Gotland. Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 143, 2–4. (Рис. 3, 3).
24. Tjangdarve, Träkumla, Gotland. Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 294, 4–11. (Рис. 3, 3, 6–9).
25. Mörlner II (a), Väte, Gotland. Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 434, 9. (Рис. 3, 3).
26. Mörlner II (b), Väte, Gotland; Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 445, 3–10. (Рис. 3, 3, 6, 8).
27. Bottarve, Fröjel, Gotland (погребение в камере Anl. 1/90 из раскопок Дана Карлссона). Carlsson, 1999. S. 151–156. (Рис. 3, 2, 9–11).

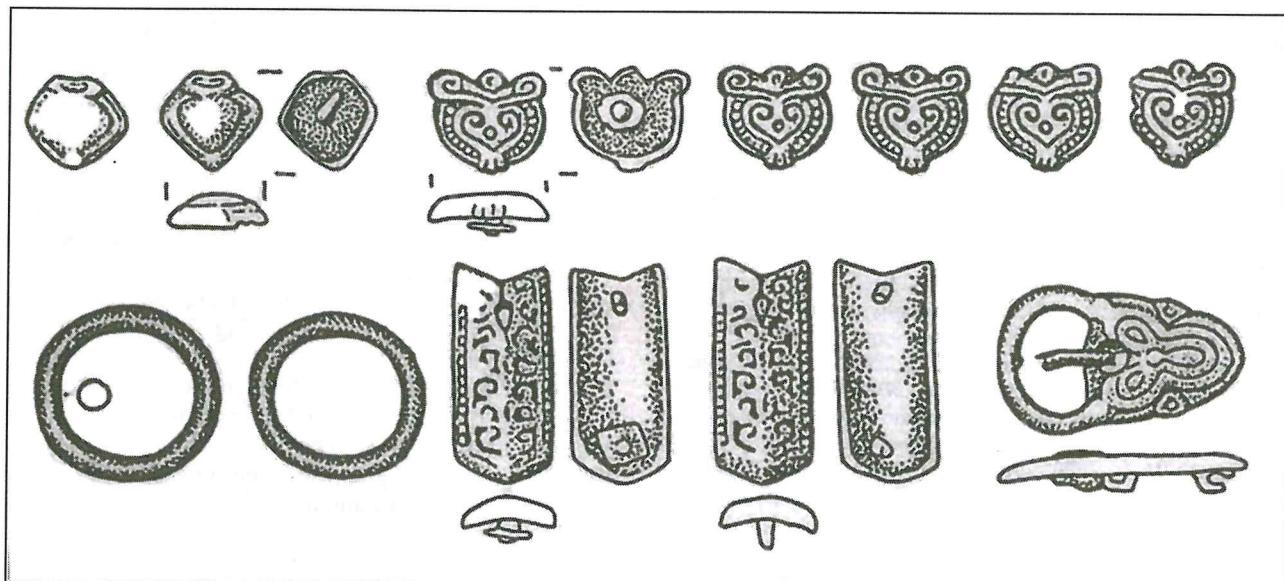

Рис. 5. Пояс из погребения в могильнике Силе, Сёдерманланд, Швеция (по S. Wigren)

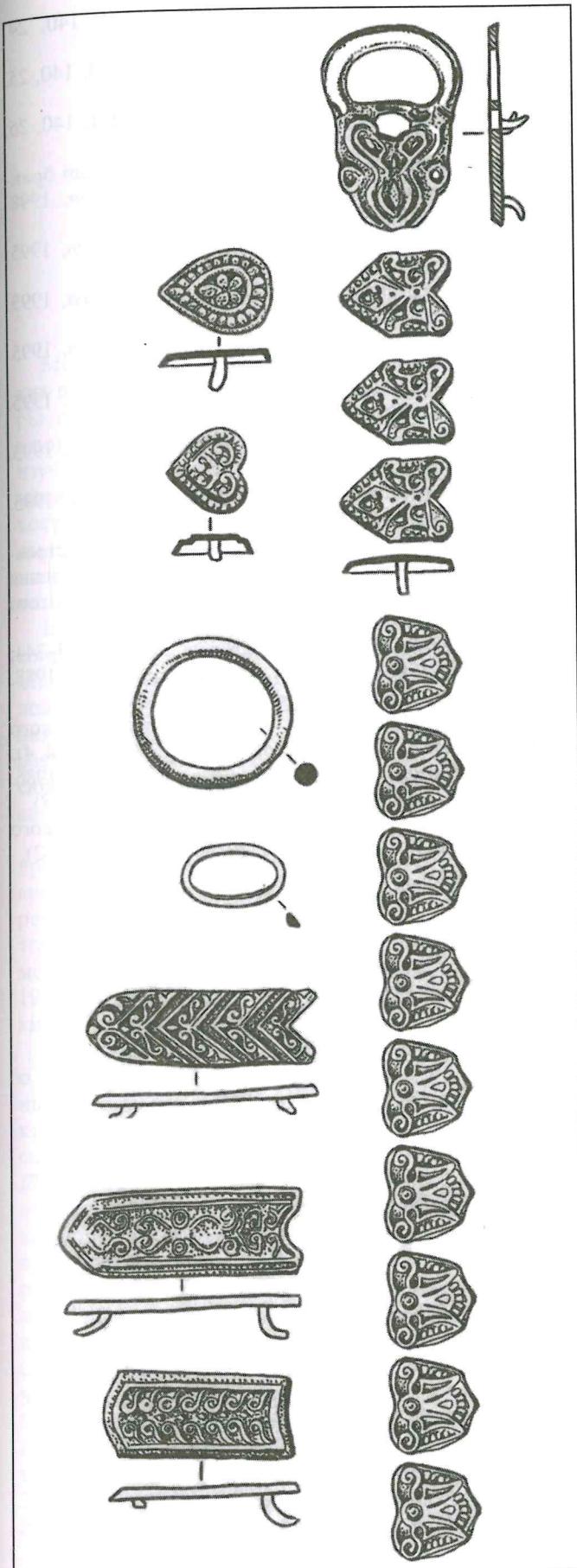

Рис. 7. Накладки от пояса из Отмичей (Тверской музей.
По В.Ю. Соболеву)

28. Bottarve, Fröjel, Gotland (случайные находка). Стокгольмский исторический музей, инв. № 14 885. Carlsson, 1999. S. 25–26. (Рис. 3, 1).
29. Tingstäde sn., Gotland (случайная находка). *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 139, 14, 18, 19; 140, 1. (Рис. 3, 2–4).
30. Gotland (случайная находка). *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 139, 16. (Рис. 3, 5).
31. Gotland (случайная находка). *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 139, 17. (Рис. 3, 2).
32. Endre sn., Gotland (случайная находка). *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 139, 20; 140, 3, 6. (Рис. 3, 2, 3, 6).
33. Hemse sn., Gotland (случайная находка). *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 139, 21; 140, 2. (Рис. 3, 2, 3).
34. Barshalder, Grötlingbo, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 63; 5–9. (Рис. 3, 4; 4, 1, 2).

Приложение II

Каталог находок поясных наборов
и отдельных деталей поясов “новгородского”
типа на Северо-Западе России

1. Гонголово, Лен. обл., курган 2 (ГИМ, описание 172, № 33/19б).
2. Терпилицы, Лен. обл., курган 7 (ГИМ, описание 1573, № 121/37а).
3. Клопицы, Лен. обл., курган 1 (ГИМ, описание 208, № 33/21б).
4. Прологи, Лен. обл., курган 49 (ГИМ, описание 1924, № 37/37б).
5. Малая Горка, Лен. обл., курган 26 (опись 1559, № 33/33а).
6. Селище, Лен. обл. (ГИМ, описание 251, № 41/30а).
7. Калихновщина, Лен. обл.
8. Сторожинец, Псковская обл. (Попов, 1991, 1995: 99).
9. Залахтовье, курган 22, Псковская обл. (*Хвощинская*, 2004. Табл. CXXI, 8–10; ГЭ, ОАВЕС, № 878/219).
10. Залахтовье, курган 165, Псковская обл. (*Хвощинская*, 2004. Табл. LXVII, 14–23) (рис. 6).
11. Залахтовье, курган 236, Псковская обл. (*Хвощинская*, 2004. Табл. CIII, 4).
12. Безъва III, Псковская обл. (*Хвощинская*, 1997. С. 132).
13. Удрай, Новгородская обл. (Платонова, 1983; 1992; НГМЗ, кп 34112, 169–174).
14. Устьрека, Новгородская обл. (Ершевский, Конецкий, 1985; НГМЗ, кп 25294/A-11).
15. Новгород (Седова, 1981. С. 147–149).
16. Рюриково (Новгородское) городище, Новгородская обл.
17. Малы, Псковская обл. (Седов, 1976. С. 90).
18. Слобода, Демидовский р-н, Смолен. обл. (Ляудански, 1932. Табл. XX, 9).
19. Березовец, Тверская обл. (Успенская, 1993. С. 126–127).
20. Отмичи, Тверская обл. (Плетнев, 1884. С. 65, 290–291; 1903. С. 170) (рис. 7).
21. Бустьрыгино, Весьегонск, Тверская обл. (Ушаков, 1844, Фонд археологии МАЭ, кол. 1533).
22. Кабожа, Новгородская обл. (Тухтина, 1990).
23. Андрейково, Вышневолоцкий р-н, Тверская обл. (Кирпичников, 1966. С. 114, табл. XXIV, 1).
24. Левоча, Новгородская обл. (Мильков, 1994; НГМЗ, кп 39721/A151-2).

25. Никольское, Вологодская обл. (*Тухтина*, 1966. С. 127; Череповецкий краеведческий музей, кол. № 3919).
26. Минино, Вологодская обл., погребение № 9/1998 и подъемный материал (*Зайцева*, 1999; 2001. Рис. 14; 13, 11).
27. Белоозеро, Вологодская обл. (*Захаров*, 2004. Рис. 96, 52, 53).
28. Рабола, Карелия (*Равдоникас*, 1939. С. 10–11).
29. Видлицы, Карелия (*Kivikoski*, 1944: 18–20).
30. Челмужи, Карелия (*Гроздилов*, 1941. С. 13–14; ГЭ ОАВЕС, № 1553/98, курган 4, погр. II).
31. Куркийоки, Карелия (*Kivikoski*, 1951. Taf. 108).
32. Лашпинлахти, Карелия (*Kivikoski*, 1951. Taf. 108).
33. Козлово, Холмский р-н Новгородской обл. (*Еремеев*, 2002; ГИМ, оп. 36, 1–10).
34. Поозерье (д. Еруново?), Новгородская обл. Случайная находка (сведения получены от С.Е. Торопова, НГМЗ).
35. Заозерье, Юго-Восточное Приладожье, Лен. обл. (*Кочкуркина*, 1989. С. 195; *Raudonikas*, 1930. S. 44, Abb. 28, 32, 38–41; *Кирпичников*, 1966. Табл. 28; 2, 3).
3. Rone, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 140, 24. (Рис. 4, 2).
4. Havdhem, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 140, 25. (Рис. 4, 2).
5. Gotland, Väskinde. *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 140, 26. (Рис. 4, 2).
6. Gotland (место находки не известно, литейный брак-полуфабрикат, с поселения). *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 140, 27. (Рис. 4, 2).
7. Barshalder, Grötlingbo, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 55. (Рис. 4, 2).
8. Barshalder, Grötlingbo, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 59. (Рис. 4, 2).
9. Barshalder, Grötlingbo, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 62. (Рис. 4, 1, 2).
10. Barshalder, Grötlingbo, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 63. (Рис. 3, 4; 4, 1, 2).
11. Barshalder, Grötlingbo, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 79. (Рис. 4, 2).
12. Barshalder, Grötlingbo, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 83. (Рис. 4, 1, 2).
13. Gotska Sandön, Gotland (случайная находка на островке вблизи о. Готланд; из частного собрания, сведения из каталога находок Стокгольмского исторического музея). (Рис. 4, 2).
14. Vivalen, Tännäs, Härjedalen. *Hallström*, 1944. S. 305–344; *Zachrisson*, 1997. S. 71–75, fig. 51, 3; *Jansson*, 1988. S. 642. (Рис. 4, 1).
15. “Город Ярослава”, Киев, Украина (из городского слоя). *Мовчан, Климовский*, 2002. С. 195. (Рис. 4, 4).
16. Саркел, Россия (из городского слоя). *Макарова*, 1986. Рис. 9, 13; *Плетнева*, 1996. Рис. 50, 2652. (Рис. 4, 3).
17. Белоозеро, Вологодская обл., Россия (из городского слоя). *Захаров*, 2004. Рис. 96, 49, 50, 55. (Рис. 4, 1–2).

Приложение III

Список древнерусской поясной гарнитуры XI – XII вв. из “южного” центра

1. Rone, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 140, 19–21. (Рис. 4, 1).
2. Linde, Gotland. *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 140, 22. (Рис. 4, 1).